

**И. Кор Шаин
(Экс-ан-Прованс)**

Плюх!* → *плюх* → *плюхнуть(ся)

К вопросу об эволюции нарративных предикативов в свете корпусных данных

1. Введение

Формы типа *плюх* принято называть «глагольными междометиями» (термин А.А. Шахматова), хотя, как не раз отмечалось, их нельзя полностью отнести ни к междометиям, ни к глаголам. Этот термин неоднократно подвергался критике, но до сих пор ни один из предложенных вариантов для определения этих форм пока не получил широкого распространения (см. «глагольные частицы» И.И. Срезневский, А.А. Потебня; «ультрамгновенный вид русского глагола» А.М. Пешковский, «междометные глаголы» (*verbes interjectionnels*) С.О. Карцевский, «глагольно-междометные формы» В.В. Виноградов, «сказуемость междометия» А.В. Бондарко, «звуковые жесты» А.В. Исаченко). В свою очередь мы будем называть их *нарративными предикативами* (далее НП). Необходимость введения этого нового термина объясняется нашим стремлением дать наиболее точное определение этой формы, которая, как показали наши наблюдения, функционально ограничена: она появляется исключительно в определенном типе дискурса, а именно в нарративе.

Считать нарративные предикативы хорошо изученными пока нельзя. Возможно, что их слабая освещенность в лингвистической литературе отчасти объясняется тем, что НП появляются в наиболее экспрессивных контекстах, часто в разговорной речи. Следовательно, эти формы встречаются крайне редко в кодифицированном языке литературных текстов. Как можно догадаться, до сих пор поиск НП был наиболее кропотливым занятием, и для их изучения появление языковых корпусов представляет особую ценность. Языковой корпус также позволяет по-новому подойти к этой еще малоизученной грамматической категории, которую составляют нарративные предикативы.

В этой работе делается попытка установить некоторые особенности развития нарративных предикативов на основании данных Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru; далее Корпус).

2. Репертуар НП: миф или реальность?

Насколько нам известно, полного репертуара нарративных предикативов пока не существует. На первый взгляд, эти формы не кажутся настолько многочисленными, чтобы нельзя было попытаться представить их в одном списке. Но, на самом деле, списки НП различаются настолько, что сама возможность прийти к полному репертуару оказывается сомнительной. Вероятно, решить эту проблему можно, если принимать во внимание употребления НП только в определенный временной период.

Так, опираясь на литературный материал 19-го века, Е.Н. Прокопович приводит список из 47 форм. Все предикативы списка представлены в зависимости от того, к какой категории они могут относиться: так, в роли междометий и предикативов могут выступать 23 формы (*бац, бряк, бултых, бух, грох, ёк, звяк, кап, ляп, пых, скрип, стук, топ, трах, хватъ, хлоп, хоп, хрусть, хрясть, чик, чмок, щелк, шлеп*), а в роли исключительно предикативов — 24 формы (*верть, дёрг, кувырк, мах, морг, плюх, перх, прыг, пырь, свис, скок, толк, трях, тык, тырк, хап, хлыст, цап, царап, шарк, шастъ, шварк, шыгы, юрк*) (Прокопович 1982 : 145, 148). Это наиболее полная, встретившаяся нам «опись» НП.

Из-за отсутствия готового списка НП, встречающихся в 20-м веке, можно обратиться к *Грамматическому словарю* А.А. Зализняка. В этом словаре таких форм насчитывается 72, причем 52 формы появляются с пометой 'предикатив' и 'междометие' и только 19 как 'предикатив' (Зализняк 1977). Опираясь на данные работ (Прокопович 1982) и (Зализняк 1977), мы можем благодаря Корпусу проверить употребление каждой формы в текстах более позднего периода, начиная со второй половины 20-го в. и до настоящего времени (т.е. 2006-го года). По завершении поиска оказывается, что только 48 НП, встретившихся в двух источниках, действительно появляются в текстах этого последнего периода. Такими НП являются *ам, бах, бац, брень(к), бряк, бултых, бух, глядь, дерг, ек, звяк, кап(-кап), кувырк, круть(-верть), нырк, плюх, прыг, пых(-ных), свись, скок, трах, тресь, тук, тык, тырк, тья, хап, хватъ, хлоп, хлобысь, хлыст, хоп, хрусть, хрясь, цап, царап, цок, чик, чирк, чмок, шарах, шарк, шастъ, шварк, шлеп, шыгы, щелк, юрк*.

Полученные данные позволяют сделать по крайней мере два замечания о том, что происходит с нарративными предикативами в современном русском языке. Первое замечание будет касаться скорее количественной стороны эволюции НП, а второе — качественной.

Итак, при сопоставлении количественных данных (47-72-48 НП соответственно для 19-го, 20-го и 20-21-го вв.), оказывается, что у НП нет стабильного репертуара. Действительно, некоторые формы, встретившиеся в текстах более позднего периода, впоследствии не употребляются.

Это, в частности, относится к *ров* и *сиг*, зафиксированным в текстах 18-го в. (Прокопович 1982 : 154-155):

- (1) *Итак, не долго думая, ров-таки я, что было мочи, и сорвала тем со стены всю полку...* (А.Т. Болотов, Записки, 1738-1794).
- (2) *Что же я сделал? ...таки не долго думая, сиг из кареты в опущенное с моей стороны окно, и дай бог ноги!* (А.Т. Болотов, Записки, 1738-1794).

Формы *ров* и *сиг*, по всей вероятности, соответствующие глаголам *рвануть* и *сигнуть*, не имеют в электронных корпусах примеров, которые бы позволили проиллюстрировать их употребление. Очень редкими также оказываются формы *двиг*, *ковыль*, *ковырь*, *черк*, *чебурах*, *хрясть*, *хряп* и др., которые с пометой 'предикатив' приводит словарь В.И. Даля (1866). Кстати говоря, этот словарь также может служить важным источником, позволяющим получить данные о репертуаре НП в 19-м в. Конечно, запись грамматических форм в нем менее систематична, чем в словаре А.А. Зализняка, но В.И. Даль предоставляет ряд ценных сведений о НП этого периода. Можно только пожалеть, что в этом словаре многие НП не иллюстрируются примерами; поиск же в Корпусе позволяет проиллюстрировать употребление только некоторых из них:

- (3) <...> *и старуха опять чебурах в ноги* (Н.Г. Помяловский, «Очерки бурсы», 1862).

Большинству таких предикативов Корпус пока¹ примеров не дает; в Интернете они тоже не встретились. Это явно свидетельствует о том, что в современном языке эти предикативы не употребляются. К «исчезнувшим» формам можно также причислить *грох*, *зир(к)*, *ляп*, *мах*, *перх*, *свис*, *скрип*, *стук*, *толк* из списка Е.Н. Прокопович (1982).

Но из всего, что было сказано, было бы ошибочным делать вывод о том, что все редкие формы типа *ров* существовали до отмеченного периода (18-й или 19-й вв.) и впоследствии вышли из употребления. Нам представляется, что эти НП вели себя несколько иначе. По всей вероятности, большинство таких форм представляют собой единичные образования (окказионализмы), которые не получили в дальнейшем широкого распространения (см. ниже). И поскольку речь идет об окказионализмах, говорить о собственно их исчезновении нет причин. Можно думать, что подобные формы могут появляться и в наши дни, но для того, чтобы они ассимилировались в языке им необходимо обладать рядом характеристик (см. ниже).

С другой стороны, важно отметить, что наряду с «исчезнувшими» и вышедшими из употребления формами в языке появились новые. Такие

НП пока еще не встречаются в Корпусе, но в Интернете они уже зафиксированы:

- (4) *И глазом моргнуть не успели — лампочку о штанину вытер — и чавк!* (<http://www.anekdot.ru/an/an0206/u020611.html>).
- (5) *Шваркнул кружку на стол, толстую, глиняную — и руки об нее греть, и в чай дуть. А тут телефон — бреньк-бреньк...* (М. Ремизова, «Москва-Питер и обратно», Континент, 2003, № 115; <http://magazines.russ.ru/continent/2003/115/remiz-pr.html>).

Видимо, предикативы, воспроизводящие шумное жевание и, по ассоциации, движение челюстей (*чавк*) и звонок телефона (*бреньк*), появились в языке относительно недавно.

Теперь о «качественной» стороне эволюции НП. Вышедшие из употребления формы позволяют проследить некоторые тенденции в развитии НП. Так, с одной стороны, НП все больше «специализируются» на передаче интенсивного характерного действия, а с другой, они проявляют тенденцию к уменьшению вариативности.

Первая тенденция проявляется в том, что наиболее употребительными оказываются НП, в которых действие специфицируется по признаку интенсивности, ср. ущербный контакт в *хрясь* или передвижение в *шась*. Поэтому вероятно предположить, что предикативы, в которых действие не специфицировано вообще или же специфицировано не по признаку интенсивности, в языке не «прижились»: к таким действиям можно отнести уже упоминавшиеся ‘рвануть’ (*ров*), ‘моргнуть’ (*морг*), ‘сунуть’ (*сов*), ‘двинуть’ (*двиг*), ‘ковырнуть’ (*ковырь*), ‘ковыльнуть’ (*ковыль*) и т.п. Если, например, *двиг* и обозначает передвижение объекта, то такое передвижение никакой спецификой не обладает, в отличие, скажем, от *шарах*. То же можно сказать и о *ковыль*:

- (6) <...> *и селезень тоже вылез, ковыль, ковыль по льду к ней уселся рядом и задремал, другой селезень вылез к своей утице, тоже рядом устроился и тоже задремал* (М.М. Пришвин, «Дневники», 1926).

Кроме того, так же, как и в случае с *ров* и *сиг*, встретившихся исключительно в мемуарах А.Т. Болотова (см. пр. 1 и 2), форма *ковыль* появляется в Корпусе только в дневниках М.М. Пришвина. Это наводит на мысль о том, что такие НП могли появиться либо в результате индивидуальных авторских образований, либо на диалектной основе. Предикатив *ковыль* и другие приведенные формы, не обладающие спецификой интенсивного характерного действия, не получили широкого распространения.

Но не надо думать, что все диалектные образования постепенно исчезли. Напротив, многие предикативы, образованные на диалектной основе, полностью вошли в обиход. Так, например, возникло *хлобысь* (*в лоб!*) «стукнуть с размаху», которое было распространено в калужской, рязанской, тамбовской и пермской губерниях (Даль 1866). Сейчас же предикатив *хлобысь*, передающий интенсивное действие (удар), полностью ассимилировался в языке:

(7) *Вода — хлобысь мне в ветровое стекло!* (В. Шукшин, «Ванька Тепляшин», 1972-1973).

Наши наблюдения показали, что наиболее частотные НП, кроме обозначения действия, имплицитно содержат несколько дополнительных параметров (сопровождение звуком, топологические характеристики объекта, образ действия и др.). Кроме того, нужно отметить, что исчезновение некоторых форм может также объясняться стремлением говорящих избегать омонимии: это, в частности, относится к предикативам типа *морг* и *ковыль*. Мы не имеем здесь возможности более подробно остановиться на этом вопросе: семантика НП заслуживает отдельного исследования.

Вторая тенденция в развитии НП приводит к исчезновению менее характерных предикативов. Таким образом, в процессе эволюции НП характеризует уменьшение вариативности. Этим, пожалуй, можно объяснить исчезновение *чебурах* или *грох*, которые оказались менее представительными и ушли на задний план перед *бах*, *бац*, *бряк*, *шарах* и др., также обозначающими падение или повреждение объекта и получившими более широкое распространение в языке.

И наконец, третье замечание касается самих форм НП. При «инвентаризации» НП мы могли наблюдать, что некоторые из них получили окончательную оформленность только после того, как они смогли как бы «обтесаться». К таким формам можно отнести *хрясть* (Даль 1866), который в современном языке принял форму *хрясь*, или же *чок* (*С последним словом прыг на шею и чок два раза в лоб*, И.И. Дмитриев, Модная жена (1792), в (Прокопович 1982: 155)) более привычный в форме *чмок*. Этот факт указывает, в частности, на то, что НП не имели в языке уже готовых соответствий² и претерпевали различные трансформации. По этому поводу было бы интересно также выявить по каким морфофонетическим принципам происходило формирование самих НП.

3. Основные этапы эволюции НП

Прежде чем перейти к тому, через какие этапы в своей эволюции проходили нарративные предикативы, следует напомнить особенности их происхождения. Существовала полемика о том, как эти формы соотносятся с

глаголами и, в частности, с глаголами на *-нуть*³. Однако, уже давно считается, что предикатив первичен по отношению к глаголу (см. Garde 1986 / 2006: 358): предикатив морфологически менее сложен. Но до этого этапа, НП уже претерпел ряд изменений. Есть все основания думать, что прежде чем выступать в предикативной функции, формы типа *плюх* служили для передачи звука, сопровождающего действие. Это могло быть падение в воду (*плюх*) или на землю твердого (*бух*) или мягкого (*шлёп*) предмета и т.д. Такой семантический переход от идеи издавания звука к обозначению движения, сопровождаемого данным звуком, является одним из характерных переходов для глаголов звука вообще (*Стекла звенели. По улицам звенели трамваи* (Падучева 2004: 412)). Таким образом, можно утверждать, что нарративные предикативы появились в результате лексикализации звукоподражательных междометий. Заметим, что обе функции — и междометия (пр. 8), и предикатива (пр. 9) — продолжают сосуществовать в языке (напомним, что такие формы имеют обе пометы в словарях, см. Зализняк 1977):

- (8) *Сапоги были велики и в тишине гулко грохали по асфальту: бух, бух* (Т. Набатникова, «День рождения кошки», 2001).
- (9) *Наконец Пелагея, не будь дурой, бух ему в ноги: выручи, Петр Иванович!* (Ф. Абрамов, «Пелагея», 1967).

Таким образом, междометия представляют собой «благоприятную почву» для появления нарративных предикативов. В этом следует видеть первый этап эволюции НП. Итак, междометие звукоподражательной природы начинает функционировать как предикатив, который в свою очередь приобретает глагольные атрибуты, проникая в грамматическую категорию наиболее употребительную в выражении предикативной функции. Следовательно, предикатив можно считать «промежуточным этапом» на пути лексикализации звукоподражательных междометий⁴.

Таким образом, переход от предикатива к глаголу представляет собой второй этап развития НП. Чаще всего НП соотносят с глаголом на *-нуть* (А.М. Пешковский, А. Мазон и др.). И действительно, суффикс *-ну-*, обозначающий единичное действие, семантически сближает эти глаголы с НП, ср.:

- (10) *Ольга бухнула трубку на телефон и закусила губу* (Е. Романова, Н. Романов, «Дамы-козыри», 2002).
- (11) *Я могла плюхнуть на сковородку яичницу-глазунью — и только* (С. Спивакова, «Не всё», 2002).

- (12) *Она вынула веточку укропа из губ и легонько шлепнула меня по руке <...>* (Е. Евтушенко, «Волчий паспорт», 1999).

В этом значении глагол на *-нуть* разделяет семантические характеристики НП: в обоих случаях действие агентивно и контролируемо. Важно подчеркнуть, что идеи контролируемости и агентивности характеризуют любой НП, к какой бы семантической группе он ни принадлежал (ср. *плюх, прыг, щёлк, хлоп* и *бреньк*). Благодаря переходу в класс глаголов, эта форма расширяет сферу употреблений и полученный глагол приобретает возможность появляться в менее экспрессивных контекстах, в частности, вне контекста сказа (хотя и не теряет разговорный оттенок).

Но в русском языке прослеживается дальнейшее развитие этих форм. При сопоставлении употреблений некоторых предикативов и глаголов на *-нуть*, оказывается, что если предикативу всегда соответствует глагол на *-нуть*, то обратное верно не всегда: ср. *бухнуть невпопад* — **бух невпопад*. Семантика глагола будет намного шире семантики НП. И наши наблюдения показали, что расширение семантики идет, как правило, в сторону потери идеи контроля: глагол будет терять идею контролируемости и обозначать действие, происходящее независимо от воли субъекта. Такой семантический переход от идеи контролируемости к идее неконтролируемости является довольно распространенным явлением в языке (см. о *взять* в нашей работе Kor Shahine 2007).

Переход от идеи контролируемости к идее неконтролируемости прослеживается, в частности, в формах *бухнуть* со значением «сказать непродуманно» (*чуть не бухнул, но воздержался; она и бухни благодарственное письмо Сталину*):

- (13) *От испуга он так и бухнул дословно: «Мать Кузьмы»* (В. Быков, О. Деркач, «Книга века», 2000).

В Корпусе *бухнуть* в смысле «сказать непродуманно» употребляется чаще в текстах 19-го века. В настоящее время *бухнуть* в этом значении конкурирует с *ляпнуть* и *брякнуть*. Если происхождение *брякнуть* не так ясно, то происхождение и эволюция *ляпнуть* являются примером еще одного возможного пути развития НП.

Глагол *ляпнуть*, также с суффиксом *-ну-*, не имеет сейчас предикативного соответствия. Основываясь, по всей вероятности, на звукоподражательном элементе (Черных 1993: 500), *ляп* больше не употребляется в качестве предикатива. Но эта «промежуточная» фаза, связывающая междометие с глаголом, кажется, существовала и для этой формы. В Корпусе примеров мало, но все же можно найти несколько случаев, ко-

торые подтверждают предикативное употребление *ляп* и, следовательно, нашу гипотезу об эволюции предикативов:

- (14) *Один купец, по фамилии Петерсен, вышел из лавки, да как споткнется — и ляп носом об мостовую!* (Е. Шварц, «Голый король», 1934).

Значение падения, которое мы находим у *ляп*, передается сейчас глаголом *ляпнуться*. Принимая во внимание эти употребления, можно утверждать, что *ляп* породил две глагольные формы: *ляпнуться* в смысле «упасть» и *ляпнуть* в смысле «сказать непродуманно»⁵. Но сама форма *ляп*, лежащая в основе этих глаголов, окончательно вышла из употребления. Такой случай полного исчезновения предикатива довольно редок. В большинстве случаев предикатив и глагол функционируют в языке одновременно, но только в разных «сферах»: предикатив появляется в контекстах сказа, а употребление глагола этим типом дискурса ограничиваться не будет. Исчезновение *ляп*, по всей видимости, объясняется тем, что, как и в случае с *чебурах* (см. выше § 2), имприкатуры *ляп* не оказались релевантными для его дальнейшего распространения.

Эволюция предикатива *шлёп* также представляет интересный случай развития НП. Образованный от предикатива глагол *шлёпнуть(ся)* со значением ущербного контакта приобретает значение «упасть, потеряв опору: поскользнуться, выскочить из рук и т.п.» (*он шлёпнулся на лёд, портфель шлёпнулся о камни*). В этом значении (как и в случае с *бухнуть*, см. выше) прослеживается идея потери контроля:

- (15) *Тата тоже помчалась к папе, но в толпе ее толкнули, и она шлепнулась на пол* (А. Иванов, «Географ глобус пропил», 2002).

Но глагол *шлёпнуться* идет еще дальше в своей эволюции, и обозначение физического действия будет служить опорой для передачи действия абстрактного. Так, глагол, использующийся для передачи физического падения, начинает функционировать для обозначения провала. В обоих случаях идея неконтролируемости лежит в основе их значения:

- (16) *Свой первый спектакль я играл утром. Он, мягко выражаясь, был не очень удачным. Это отметили даже мои поклонники и случайно приехавший в Москву брат Анатолий. В общем, я «шлепнулся по-большому»* (Г. Васильев, «Роли, которые нас выбирают», 2002).

Таким образом, как и в случае с *бухнуть(ся)*, так и в случае с *шлепнуть(ся)*, деривационные глаголы порывают с семантикой предикативов и идут по своему собственному пути развития, к более абстрактным значениям.

4. Второстепенный путь развития НП

По другому пути идут предикативы, образованные от глаголов. К таким предикативам относятся *нырк*, *юрк*, *хватъ*, *глядь* и др. Как отмечает С.О. Карцевский, такие формы были образованы «по аналогии» с существующими формами типа *бух*⁶. Подобные образования ассимилируются в языке и начинают свое собственное развитие, следуя, естественно, по своему пути.

Так, некоторые из таких форм начинают функционировать как дискурсивные показатели, призванные структурировать текст. Это, в частности, относится к НП *хватъ* и *глядь*. Такой переход хорошо виден на следующих примерах, где в вариантах А формы *хватъ* и *глядь* имеют предикативное значение, а в Б они выполняют дискурсивную функцию:

(17) А. *Костёр нагорел, Ермила и Кирила накатали на угли картошек; конь, румынский видать, подкрался, хватъ горячую картошку из костра* (В. Астафьев, «Обертон», 1995-1996).

Б. *Хватъ, я в больницу попала, хватъ, с работы уволили...* (Л. Петрушевская, «Маленькая волшебница», Октябрь, №1, 1996).

(18) А. *Я глядь, а там Марусенька моя под самыми облаками, и летает, и летает* (М. Сергеев, «Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы», 1958-1965).

Б. *Все думал, одна какая-нибудь вырастет моей женой, глядь, перееду в три комнаты, тесть будет настоящим профессором, да?* (Г. Прашкевич, А. Богдан, «Человек “Ч”», 2001).

Как видно на примерах Б, идея взятия (в *хватъ*) и взгляда (в *глядь*) полностью утеряна. Интересно отметить, что в (Зализняк 1977) форма *глядь* не несет пометы о предикативном употреблении: кажется, что сейчас эта форма настолько абстрагировалась от предикативной функции, что сама идея физического действия с *глядь* уже не ассоциируется. Но данные Корпуса все же свидетельствуют о живучести ее предикативного значения (пр. 18А).

Таким образом, изначально обозначая действие, нарративные предикативы *хватъ* и *глядь* переходят из грамматических форм в дискурсивные показатели. Особенности их функций должны еще стать объектом более детального исследования.

5. Заключение

Итак, корпусные данные позволили нам сделать ряд наблюдений, касающихся особенностей нарративных предикативов в русском языке.

Мы могли наблюдать, что сделать полный инвентарь НП оказывается довольно трудно. НП представляют собой открытую категорию: исчезают одни формы, появляются другие (см. § 2). Несмотря на это, «прошедшие селекцию» 48 НП, которые встретились нам в последнем периоде корпуса (середина 20-го — начало 21-го вв.), могут составить репертуар НП и служить базой для дальнейших научных изысканий по этой теме и, в частности, для изучения их семантики.

Как мы смогли отметить, в классе НП следует различать две группы, каждая из них будет идти по своему пути развития. Одну, основную, группу составляют НП, возникшие в результате эволюции звукоподражательных междометий, а в другую будут входить формы, образованные от глаголов.

Безусловно, главным источником пополнения класса НП служат звукоподражательные междометия. Отглагольных форм заведомо меньше (см. в (Зализняк 1977) 19 против 52): они часто представляют собой авторские образования (как в случае с *ров, сиг, ковыль...*) (см. § 2). Анализ их частотности свидетельствует о том, что эти «искусственно» созданные формы наиболее «уязвимы», часто они не переходят статус окказионализмов. Они составляют своего рода «экспериментальную группу»: любой носитель языка вправе создать отглагольный НП, и если неологизм приживается, он получает более широкое распространение. Можно думать, что по такому пути шли наиболее распространенные в этой группе *хватать* и *глядь*. Среди «не прижившихся» форм мы также отметили некоторые диалектизмы.

Но анализ эволюции НП позволил нам сделать несколько заключений более общего характера. Так, сама возможность создания нарративных предикативов от существующих глаголов свидетельствует о важности этой категории в грамматической системе русского языка. Трудности же в определении этих форм (см. § 1), по всей вероятности, вызваны особым статусом НП в грамматической системе в целом. Так, если категории прилагательных или местоимений встречаются в большинстве индоевропейских языков, то формы типа *плюх* широко представлены в основном только в славянских языках (в болгар., польск., чешск. и сербск.⁷ они все же менее распространены, а также в румынском, литовском и ряде финно-угорских языков). Поэтому к вопросу о НП можно подойти и с типологической точки зрения.

Таким образом, функционирование НП, как в русском, так и в других языках, поднимает еще массу нерешенных вопросов, но с появлением языковых корпусов можно все-таки надеяться, что найти ответы на эти вопросы можно будет уже в ближайшем будущем.

Примечания

¹ База данных Корпуса периодически пополняется.

² См. попытку сближения этих форм с формами древнерусского аориста у А.А. Шахматова (см. Русская грамматика 1980: Т. 1, 736).

³ Некоторые лингвисты видели в этих формах усеченные формы глагола, омонимичные междометию, и их деривационная схема представляла собой следующую цепочку: *хлоп!* → *хлопнуть* → *хлоп* (см. Karcevski 1941 / 2000: 181).

⁴ В отличие от русского, французский язык не имеет грамматической категории НП, но переход от звукоподражательного междометия к глаголу наблюдается и там. Примером может служить глагол *tomber* «упасть», который образован от корня ^o*tumb-*, передающим падение или неожиданный прыжок. Считается, что этот корень происходит от звукоподражательного междометия, возможно использовавшегося жонглерами, путешествующими по странам Европы, поскольку этот корень встречается также в итальянском, испанском, португальском и румынском языках (Le Robert 1992: 2129).

⁵ Ввиду того, что в деривационных схемах абстрактное значение всегда вторично по отношению к конкретному (см. Кустова 2004), глагол *ляпнуть* следует считать производным от *ляпнуться*.

⁶ С.О.Карцевский пишет: “sous l'effet de l'analogie, un certain nombre de verbes, ne dérivant point des interjections, ont créé des formes interjectionnelles” (Karcevski 1941 / 2000: 181).

⁷ О некоторых сербо-хорватских формах см. (Тошович 2006: 341-343).

Литература

Даль, В.И.: 1866 / 1998, *Толковый словарь живого великорусского языка*, [электронный ресурс], CD-Rom.

Зализняк, А.А.: 1977, *Грамматический словарь русского языка*, Москва.

Кустова, Г.И.: 2004, *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*, Москва.

Падучева, Е.В.: 2004, *Динамические модели в семантике лексики*, Москва.

Прокопович, Е.Н.: 1982, *Глагол в предложении: семантика и стилистика видовременных форм*, Москва.

Русская грамматика: 1980, Т. 1, Москва.

Тошович, Б.: 2006, *Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков*, Москва.

Черных, П.Я.: 1993, *Историко-этимологический словарь русского языка*, Москва.

Garde, P.: 1986 / 2006, ‘La phrase à prédicat interjectif comme catégorie syntaxique du russe’, in *Le mot. L'accent. La phrase: Études de linguistique slave et générale*, Paris, 355-368.

Karcevski, S.: 1941 / 2000, ‘Introduction à l'étude de l'interjection’, *Inédits et introuvables*, Paris, 175-188.

Kor Chahine, I.: 2007, ‘О возможном пути грамматикализации русского *взять*’, *Russian Linguistics*, 31/3, 231-248.

Le Robert: 1992, *Le Robert. Dictionnaire historique de la langue française*, Alain Rey (dir.), Paris.